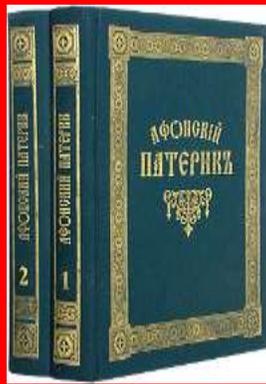
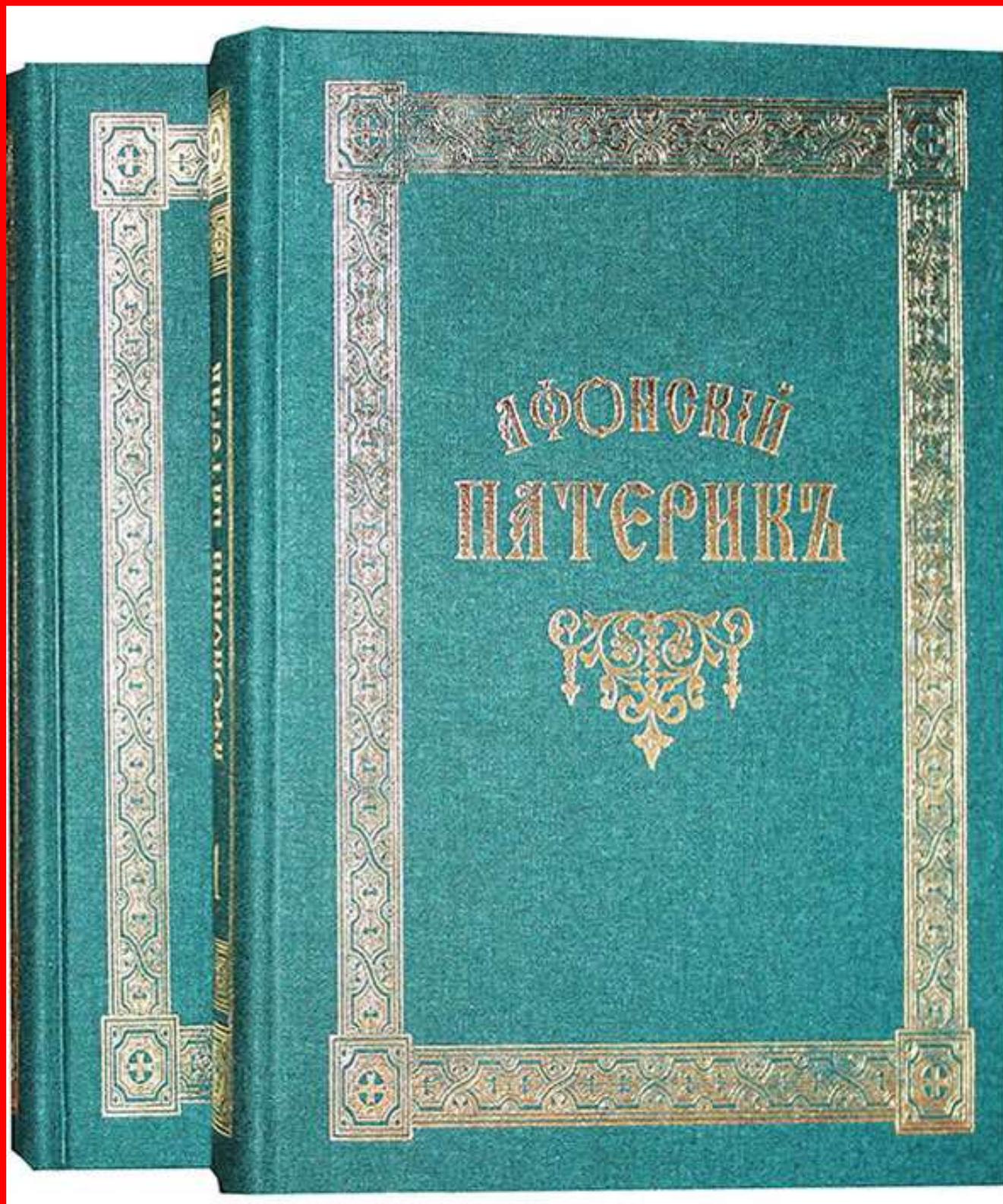

TEZAUUR LITURGIC

PATERICUL ATHONIT I

SF.PANTELIMON-ATHOS,2002

25 ИЮНЯ

Житие преподобного Дионисия, ктитора обители в честь Крестителя Иоанна, что на святой Горе Афонской¹⁷²

Преподобный Дионисий родился близ гор Касторийских, в селении Корисон. Родители его были незнатного рода и, при довольстве сельской жизни, вели себя благочестиво. Несмотря на столь обыкновенное свое происхождение, благородный Дионисий, при родительской попечительности, получил начатки классического образования и наконец, при содействии благодати Божией, достиг до такой степени рассудительности, что, подобно жаждущей животворных вод лани, восхотел оставить все чувственное и временное, чтобы приобрести духовное и вечное, и всего себя посвятил на служение Богу. И Бог, видя пламенную его к Нему любовь и желание спастись, устроил спасение его следующим образом.

У Дионисия был старший брат, именем Феодосий. Как братья по плоти, при одинаковых сердечных качествах и характерах, они в образе жизни держались одинаковых правил. Будучи восемнадцати лет от роду, Феодосий захотел видеть Константинополь, чтоб там между

благочестивыми иноками найти себе опытных руководителей на жизненном пути и принять от них необходимые в таком случае наставления. Оставив отчизну, родителей и брата своего Дионисия, бывшего тогда еще дитятей, он отправился в царственный град и прежде всего явился в патриархию, как в исключительное место и пристанище иноков испытанной жизни, составляющих цвет и красоту Церкви. Испросив позволение поселиться там, он сколько, с одной стороны, усвоял себе начатки подвижнической жизни, столько – с другой – и обучался всему, что необходимо знать в отношении внешнего образования. При отличных способностях Феодосий в удовлетворительной степени изучил Священное Писание и догматы веры, вследствие чего и сделался предметом всеобщего уважения и любви, тем более что был нрава кроткого, в обхождении и беседах со всеми ласков. В жизни подвижнической удивителен, и сверх того самый вид его был увлекателен и благороден. Такие свойства души Феодосия не могли утаиться и от самого патриарха. Услышав о добродетельной жизни его, он обратил на него особенное внимание и рукоположил его сначала в диакона, а потом, как сильного в слове и дивного в знании Священного Писания, и во священника.

По принятии священства Феодосий вел жизнь гораздо строже и возвышеннее прежнего, а это самое и было впоследствии виной сердечного влечения его к пустынной тишине и безмолвию, так как общение с миром, невольные отношения к нему и дружеские связи не только не представляют средств к развитию душевных сил, но часто подавляют чувство долга и священных обязанностей к Богу. В таком стремлении духа к уединению мысль Феодосия останавливалась на святой Афонской Горе, куда и удалился он из Константинополя. По прибытии сюда, посетив монастыри и некоторые из келий, он вступил в число братства обители Филофеевской. Здесьние братья, соответствуя и во всех отношениях названию обители, т.е. поистине боголюбивые (hiloqeoι), сначала служили для Феодосия образцом подражания и соревнования в подвижнической жизни, а потом он превзошел всех и сам сделался для других примером и украшением своего боголюбивого братства. Между тем как Феодосий таким образом преуспевал в подвигах иноческой жизни, скончался игумен Филофеевской обители: вся братия на его место просила Феодосия, как опытного и достойного быть вождем духовного стада. Истинный послушник, помня священные свои обеты,

сложенные пред алтарем в присутствии братьев, которым предал себя в безусловное повиновение, Феодосий принял жезл настоятельского правления и, при содействии благодати, так мудро руководил всех и каждого порознь на стезях иноческого жития, что славой имени его наполнилась Святая Гора и многие стали приходить к нему для душевной пользы.

Теперь скажем и о приходе брата его, Дионисия, на Афонскую Гору, и то, каким образом он сделался ктитором чудного монастыря Предтечи, а потом уже договорим остальное и о мудром Феодосии.

По отбытии Феодосия в Константинополь малолетний Дионисий мало-помалу мужал и, следуя тайному влечению мысли, особенно при известиях о брате Феодосии, проходившем со славой иноческую жизнь, пламенно желал посвятить себя также на служение Господу Богу. Слыша, что брат его – на святой Горе Афонской и что там находится много старцев высокой жизни, решился он отправиться туда же. Но когда узнал тамошнее положение – не принимать в монастыри слишком юных и что за нарушение это, по завету древних отцев, наказываются строго, решился отложить свое намерение до совершенных лет, хотя это было слишком тяжело его сердцу. Наконец, кончив

такой искус терпения, он, как орел, понесся на Святую Гору и, как жаждущая лань, устремился к прохладе живительных вод: притом ему сильно хотелось не только пустынных подвигов, но и свидания с братом, о котором уже знал, что он игуменствует в Филофеевской обители. Трудно выразить радость братского свидания! Вся обитель была тронута и все братство радовалось прибытию Дионисия, который, со своей стороны, всматриваясь в образ жизни иноческой и видя взаимность общения мира и любви в братии, восклицал с Давидом: «се что добро или что красно, но еже жити братии вкупе!» (Пс. 132, 1). Через несколько дней игумен постриг Дионисия, и он благодарил и прославлял Господа, совершившего с ним то, чего желал он от всего сердца. Под мудрым руководством брата своего Феодосия начал он преуспевать в подвигах, подражая, по своим силам, благочестивым старцам. Вместе с тем Феодосий стал занимать Дионисия особенно чтением Священного Писания и изучением Божественных догматов Церкви и наконец, как свидетельствованного в чистоте жизни, сделал его сначала экклесиархом – каковое послушание исполнял он весьма прилежно, – а потом, чрез эрисского епископа, рукоположил его в диакона, по достижении же тридцати лет и в пресвитера.

Тогда-то особенно Дионисий по мере духовного своего возвышения начал возвышаться чистотой мысли и сердца, смирял себя пред Богом в чувстве недостойнства тех щедрот благодати, которые удивил Он на нем, – так что, по словам святого апостола Павла, «забывая задняя, в предняя же простираясь» (Флп. 3, 13), при помощи Божией восходил от силы в силу и царственно низлагал и сокрушал главу невидимого врага – князя тьмы века сего. Таким образом, эти два брата среди отцов обители просияли, как две яркие звезды, и славился их ради Бог, прославляющий славящих Его. Но Божественный Дионисий в преизбытке сердечной любви к Богу стремясь к более высоким подвигам поста, молитвы и совершенной нестяжательности, как один из древних богоносных отцов, чувствовал, что среди множества братьев, с которыми нужно по необходимости иметь общение, а иногда и неприязненные столкновения, трудно себя вести так, как бы желал. Вследствие сего и вознамерился он погрузиться в глубокую пустыню, где бы при совершенном безмолвии и невозмутимой тишине можно было без развлечения заниматься умной молитвой и беседовать только с одним возлюбленным Спасителем и Богом. Впрочем, чтоб и в этом

отношении не увлечься своеволием, он обратился к опытным старцам, открыл им свою мысль и требовал на них совета. Получив же от них благословение на такой подвиг, он вышел из обители тайно, чтобы не останавливали его, и, поднявшись почти на самый верх малого Афона, нашел в южной части его пещеру и близ нее источник прекрасной воды, так что все способствовало ему там к безмолвной жизни. Обрадованный этим, Дионисий благодарил Господа и остался там, не имея даже существенных потребностей жизни – хлеба и иной одежды, кроме той, которую носил, и то изорванной. Как истинный подражатель безстрастной ангельской жизни, блаженный не обращал внимания ни на немощь природы, ни на ее требования, но, ставши выше всего чувственного, питался чтением Священного Писания и молитвой и оправдывал на себе сказанное Господом: «не о хлебе едином жив будет человек» (Мф. 4, 4). Пищей же для плоти служили ему каштаны и дикие травы, а когда приходило желание вкусить хлеба, он спускался для того или к какой-нибудь келье, или являлся в монастырь, и потом опять погружался в пустынную свою пещеру. Так протекло три года. Постоянно очищая молитвой и постом чувства душевные и телесные, Дионисий наконец достиг

совершенства. Тогда, наставляемый Богом, явился к нему один из опытных и благочестивых подвижников Святой Горы и просил благословения поселиться возле его пещеры. С большим трудом упросил он строгого в этом отношении Дионисия. За сим вскоре пришел другой брат – и оба они построили себе каливы, подчинили себя Дионисию, с безусловным, с своей стороны, послушанием старческой его воле. Но как град не может укрыться, стоя верху горы, так и подвиги Дионисия огласились всюду и славой его имени наполнилась Святая Гора. Следствием сего было то, что многие, приходя к нему для наставления и советов, изъявляли желание остаться под старческим его водительством и управлением. Дионисий сначала не соглашался на это, но когда те настоятельно просили и умоляли его, он отвечал им: «Братия возлюбленные! Я уклоняю вас от себя, и уклоняюсь от вас не почему-нибудь другому, а единственно потому, что место здешнее дико и строго. Если же непременно хотите быть при мне, то поднимитесь на гору выше, и там найдете место удобное: понравится – живите, а я даю слово навещать вас и по силам моим помогать вам в сердечных ваших нуждах». Согласившись на это, они построили в северной части горы кельи, с

церковь во имя Крестителя Иоанна, которая называется и ныне Древним Предтечей. Таким образом вокруг преподобного Дионисия составилось избранное общество пустынной братии, и он являлся к ним по субботам, для Литургии, при совершении которой, приобщая их святых Таин, оставался с ними в течение двух дней для назидания и утешения их, а вечером в воскресенье, взяв у них себе хлеба и пустынных растений, уходил в свою пещеру. Но так как на горе в течение зимы, особенно в северной части, слишком холодно и братия много страдала от холода, то с благословения старца они спустились вниз, на западную сторону, и, построив себе каливы, развели там виноградники, а между прочим построили себе небольшое судно, потому что при умножении братства стали иметь нужду в жизненном продовольствии и в общении с другими местами Святой Горы. Если случалось им выгружать пшеницу или другие какие-либо вещи, святой, как образец трудолюбия, сам участвовал с братьями в послушаниях – тем более, что от природы был силен и могуч. Он говорил при этом, что начальствующий должен быть во всех отношениях примером для братии. Часто преподобный проводил ночи в набережной каливе, и тогда как братия, по обыкновению,

вставали в полночь для отправления утрени на открытом воздухе, не имея на то храма, и он также, в течение всей службы, стоял без развлечения, как неподвижный столп, возносясь мыслью и сердцем к Богу.

Однажды во время утрени, Дионисий на том месте, где впоследствии по Божией воле устроен монастырь, вдруг увидел дивный светильник, ярко горевший до самого рассвета. Сначала, полагая, что это действие неприяженной силы, святой никому не рассказывал о своем видении, но так как оно продолжало повторяться многие ночи сряду, то он передал о нем одному прозорливому и богодухновенному старцу, иеромонаху Дометию, жившему при храме Пресвятой Богородицы. Чтоб поверить видение, мудрый Дометий пошел сам к святому Дионисию: видение трижды повторилось в присутствии Дометия. Убежденные таким образом в действительности Божественного чуда, они открыли об оном всем братьям. Все собрались к камню, где являлся необычайный свет, освидетельствовали, нет ли тут какого-нибудь светящего тела, под влиянием физического действия, и когда ничего не открыли, Дометий пророчески изрек Божественному Дионисию: «Богу угодно, чтобы здесь построена была святая обитель, куда

соберутся иноки, и прославится в них Бог; поэтому не медли начать оную, не заботясь о потребностях вещественных; всемогущий Бог пошлет тебе все нужное, и я, с своей стороны, буду содействовать, чем могу». То же сказали и братья, обещаясь помогать своему старцу в устройении обители. Таким образом, помолившись, очистили они место и прежде всего постарались воздвигнуть башню, чтобы оградить себя и, впоследствии, обитель от морских разбойников. Что же касается до продовольствия и денег, необходимых в подобном случае на многосложные нужны и расходы, то слава имени Дионисия и высокая жизнь его влекли к нему не только от мест Святой Горы, но и из отдаленного мира, людей, жаждущих его слова, утешений и старческих советов, – и эти-то духовные чада его щедрой рукой сыпали ему деньги и все необходимое для возникающей его обители. Между тем как Дионисий трудился над основанием своей обители, брат его Феодосий, игумен Филофеевский, однажды пред праздником Благовещения вышел с другими братьями ловить рыбу. Во время ловли ночью напали на них разбойники и, захватив в плен, отвезли в Бруссу, где продали (в неволю) тамошним христианам, которые, купив их, даровали им

полную свободу, предоставляя им идти, кто куда хочет. Тогда как иные возвращались на Святую Гору, божественный Феодосий, по Божию устроению, прибыл в Константинополь. Патриарх и прочие, знавшие его прежде, весьма обрадовались его прибытию, тем более что одна из византийских обителей не имела игумена. Впрочем, Феодосий оставался там недолго. Вслед за тем как прибыл он в Константинополь, в Трапезунде скончался митрополит. На ту пору в этом городе находился император Алексей Комнин, повелением коего было предписано патриарху избрать на осиротевшую кафедру трапезундской Церкви достойного понести жезл и бремя иерархического служения. Жребий сего высокого служения, волей Божией и избранием как патриарха, так и клира его, пал на смиренного Феодосия, который, кроме чистоты сердечной и святости жизни, и в других отношениях – как то, в отношении внешнего вида – был привлекателен, украшался патриархальной бородой до самых чресл и притом славился силой и сладостью слова и приветливостью в обхождении. Но что всего важнее – он имел обширные и глубокие сведения о Церкви в догматическом и каноническом отношениях. Итак, не внимая извинениям Феодосия, отрицавшегося от столь высокого

звания под предлогом собственного недостойнства и трудности церковного правления, патриарх рукоположил его и возвел на степень митрополита. Таким образом, Феодосий должен был отправиться по назначению, к своей пастве, в Трапезунд, где и был принят торжественно и с радостью императором и всей Церковью. Услышав об этом, радовался и божественный Дионисий, что брат его возведен на степень митрополита, слава Бога, так дивно и вопреки нашим предначертаниям и воле располагающего судьбами нашей жизни. Зная также по слухам, что Феодосий пользуется особенным вниманием и расположением императора, Дионисий впоследствии предпринимал путешествие в Трапезунд, к брату, чрез ходатайство которого ожидал для своей только что возникавшей обители царственных пособий и обеспечения. Впрочем, не полагаясь в этом случае на свое собственное суждение, он отправился к преподобному Дометию и требовал от него совета на свое предложение. Дометий, со своей стороны, благословил его намерение, и Дионисий в соупутствии учеников своих отправился в Трапезунд. Свидание братьев было трогательно. Дионисий рассказал Феодосию о начавшемся строении обители, объяснил ему

побуждения к столь важному делу и, наконец, просил братских его пособий, а особенно – ходатайства его пред императором. Феодосий с участием выслушал его и представил потом лично государю. После милостивых расспросов со стороны императора о положении Святой Горы Дионисий, ободренный внимательностью его и снисхождением, решился изложить пред ним собственные свои нужды и, наконец, предложил ему быть ктитором возникающей его обители, в подражание державным его предкам, основавшим на Святой Горе обители, – чрез что и хранится память их и переходит из рода в род и из века в век, с молитвой о спасении душ их. Император, тронутый слезами старца, с удовольствием принял его предложение и, обезпечив обитель из царских своих сокровищ данной ей грамотой, обязал и преемников своего престола иметь о ней попечение. И притом, кроме отпущенных сумм Дионисию, император той же грамотой¹⁷³ предписал выдавать монастырю ежегодно по тысяче серебряных монет из царских сокровищ, что и было исполняемо долгое время. Таким образом, Дионисий, пробыв несколько времени у брата своего и обласканный императором, весело отправился от них, прославляя Промысл Божий, так дивно устроивший дела его. Но, находясь в

Черном море, вдруг и он и прочие заметили несколько турецких судов, несшихся к ним навстречу. При виде варваров на всех напал страх, но Дионисий, твердо уповая на Бога, сказал спутникам: «Не бойтесь ничего, подождите немного – и вы увидите силу Божию. Возложим всю надежду на Господа, и Он отклонит от нас опасность». Между тем, варвары, приближаясь к ним, стали стрелять. Тогда преподобный, воздев длани свои к небу, со слезами помолился так: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, прославляемый присно со Отцем и Духом! Услыши меня, недостойного раба Твоего и, ради предстательства Пречистой Твоей Матери и Предтечи и Крестителя Твоего, избавь нас от врагов наших». Во время молитвы (сколь велико дерзновение преподобного пред Богом!) вдруг предстал великий Предтеча, с жезлом в правой руке, и успокоил всех бывших с Дионисием; варварам же грозил смертью, если они осмелятся приблизиться и не уйдут назад. И угрозы Предтечи сопровождались действительной казнью варваров: руки у них внезапно потеряли силу и оцепенели. Видя столь славное чудо и скорую помощь свыше, все, находившиеся с преподобным, благодарили Господа, вопия: «Слава Тебе, всемогущий Царю, чрез Крестителя и Предтечу Своего

избавившему нас от смертной опасности!» Спасенные таким образом, Дионисий и ученики его благополучно прибыли к Святой Горе, в свою обитель. Когда братья узнали, как Господь помог им, все радостно прославили Божественный Его Промысл. А Дометий заметил при этом преподобному, что всякому благому делу нужно только начало, равно как и основанию обители; в остальном же – Господь помощник. «Итак, начинай теперь строение с усердием», – продолжал он. Тогда преподобный приступил к зданию обители и воздвиг, в честь святого Предтечи, великолепный храм, устроил водопроводы и все, что входит в состав монастырских зданий. Таким образом возникла обитель Предтечи Господня, в 6888 году от сотворения мира, или в 1380 году от Рождества Христова.

Впрочем, отпущенными из царских сокровищ суммами здания обители исправлены не во всех отношениях: святой Дионисий, со своей стороны, считал необходимой потребностью стенную живопись в соборном храме, что и позвало его снова в Трапезунд для личных объяснений с императором об остальных нуждах священной его обители. Император, как и прежде, благосклонно выслушал почтительные просьбы старца и исполнил их с сердечной

радостью и удовольствием. Но тогда как, радуясь о новых пособиях своей обители, преподобный славил Бога и весело спешил к своему братству, всегдашний враг человеческого спасения, завистливый сатана, попущением Божиим, готовил жестокий и чувствительный удар для его сердца. По прибытии к Святой Горе святой никого не нашел в монастыре, потому что набежали туда турки и взяли всех братьев в плен, забрав с ними и церковные драгоценности. Увидев это, он предался великой скорби и плачу, но ни одного укориженного или ропотного слова не произнес на Господа, зная, что это наведено на него от ненавистника добра – диавола. Через некоторое время, как истинный пастырь расхищенного стада сердечно сокрушаясь о страдальческом его положении в плену неверных, он всех своих пасомых выкупил, и они снова собрались воедино. Но такой чадолюбивый подвиг дорого стоил Дионисию: истратив данные от царских щедрот суммы на искупление чад своих и на окончательное устройство обители, он остался по-прежнему без средств, как в отношении необходимого продовольствия, так касательно и прочих церковных нужд. В таком затруднительном положении снова обратился он к божественному Дометию и требовал его

совета – что делать в такой крайности: идти ли опять к императору или оставить дело на произвол неисповедимых судеб Божиих. Когда же Дометий положительно изрек, чтоб отправиться еще раз к императору, Дионисий, несмотря на множество путевых неприятностей и трудов, принял совет его с безусловной покорностью и, оставляя монастырь, поручил его старческому надзору и попечительности Дометия. «Тебе, отец мой, – сказал он прощальным голосом, – по Господе Боге и после великого Предтечи поручаю обитель сию: предчувствую, что мне не видеть ни ее, ни тебя, отец мой!» – «Да, отвечал вдохновенно старец, – мы уже не узрим друг друга на земле; зато там, в небесах, пред лицом Божиим, блаженствуя бесконечно, не расстанемся вовеки». – Так и сбылось.

По прибытии в Трапезунд преподобный рассказал брату своему, а потом, представленный императору, передал и ему о случившемся несчастье и смиренно испрашивал царственных пособий для своей обители. Император с участием выслушал старца и утешил его надеждой на возможную помощь с царской его стороны. Но святой Дионисий не дождался до того дня, когда император предположил исполнить свое слово; потому что

через несколько после сего дней наступил преподобному последний день жизни на земле. Призвав брата своего и попросив императора, он поручил заботливости их обитель свою и при них же, обратившись с молитвой о них к Богу, тихо испустил последний вздох жизни – отошел ко Господу, на 72 году от роду. Это было 25 июня. Брат его, митрополит трапезундский, торжественно отдал последний долг преподобному, с должной честью и благоговением совершил погребение тела его, от коего впоследствии истекло множество чудес – для призывавших молитвенно преподобного в помощь себе. Между тем, братия, сопутствовавшие преподобному, были облагодетельствованы богатой милостыней, как от императора, так и от митрополита, и потом отправились на Афонскую Гору. Когда весть о кончине преподобного была передана ими монастырю, – все рыдали о лишении такого отца¹⁷⁴. А святой Дометий, утешавший их поначалу, хотел было уйти от них в безмолвие, но все братство со слезами пало к ногам его и просило не оставлять их совершенными сиротами, но заступить место преподобного Дионисия. Послушливый Дометий тронулся слезами их и нехотя принял на себя правление обителью – до тех пор, пока не отошел ко

Господу, в глубокой старости. Богу нашему
слава во веки. Аминь.

172

Из Neon Paradeisoz.

173

Хрисовулы, данные императором Алексеем
Комнином обители Дионисиевской, хранятся в
архиве обители.

174

